

**University of
Zurich** ^{UZH}

**Zurich Open Repository and
Archive**

University of Zurich
University Library
Strickhofstrasse 39
CH-8057 Zurich
www.zora.uzh.ch

Year: 2013

Geopoetiki

Marszalek, Magdalena ; Sasse, Sylvia

Posted at the Zurich Open Repository and Archive, University of Zurich
ZORA URL: <https://doi.org/10.5167/uzh-76547>
Book Section
Published Version

Originally published at:

Marszalek, Magdalena; Sasse, Sylvia (2013). Geopoetiki. In: Sid, Igor. Vvedenie v geopoëtiku. Odi-
nočnye ékspedicii v okeane smyslov. Moskva: Art Chaus Media, 111-124.

Сильвия ЗАССЕ и Магдалена МАРШАЛЕК:

ДИСЦИПЛИНА

ГЕОПОЭТИКИ³⁶

Понятие «геопоэтика» переживает в настоящее время интересную конъюнктуру, прежде всего, в области центрально- и восточно-европейской литературы. Причины этого разнообразны, но одна играет здесь решающую роль: преобразование политической географии Европы начиная с 1989 – после роспуска восточного блока. Таким образом, литература, начиная с 1990-х годов, сильно обусловлена желанием чтения, интерпретирования и проектирования (старого и нового) географического пространства. В эссе и прозе о путешествиях, «фиктивном страноведении» и в полунанучных экспедициях будут представлены как конкретные местности и территории, так и байки и фантазмы по их поводу. После идеологически-утопической стилизации Своего и фобического очернения Иностранца во времена реального социализма, сейчас с помощью литературы происходит новое прочтение территорий, которое заново открывает гетерогенность востока Центральной Европы. Очевидно, что это литературное исследование с теоретическим интересом по отношению к (географическому) пространству соотносится с тем, что в последнее время диагностировалось как пространственный и, соответственно, топографический поворот в науках о культуре, истории и обществе³⁷. При этом сами литературные тексты вносят свой собственный вклад в теорию топографического мышления и письма.

Понятие геопоэтика, тем не менее, не было изобретено в восточной Центральной Европе. Изобретателем этого слова считается Кеннет Уайт, шотландско-французский поэт, эссеист и учредитель парижского Международного Института Геопоэтики. В его вдохновлённом французской постструктуралистской философией (Делёз, Гваттари) эссе «Элементы геопоэтики» (1987) геопоэтика, не без эзотерически-экологического пафоса, становится проектом, созданным на границе между поэзией и наукой, между конкретной географией и «духовным

³⁶ Geopoetiken. Hrsg. v. M. MARSZAŁEK u. S. SASSE. Kulturverlag Kadmos, Berlin 2010 (вводная статья). Перевод с немецкого Екатерины Дайс. — *Прим. сост.*

³⁷ См. Weigel, Sigrid, «Zum "topographical turn". Kartographie, Topographie und Raumkonzepte in den Kulturwissenschaften», *KulturPoetik. Zeitschrift für kulturgeschichtliche Literaturwissenschaft* 2 (2002), 151–165.

пространством»³⁸. Смешивая научный и поэтический дискурсы, при открытии, изучении и описании земель Уайт ищет тексты и проекты, в которых поэты превращаются в географов, а географы в поэтов (в качестве примеров он называет Рембо и Уитмена).

Самое успешное приложение геопоэтической идеи можно тем временем наблюдать на другом конце континента, а именно в Москве, где Игорь Сид основывает в 1995 Крымский Геопоэтический Клуб. Среди участников Крымского клуба, который постоянно находится в Москве, были и есть такие писатели и деятели искусства как Лев Рубинштейн, Дмитрий Пригов, Андрей Битов и Юрий Андрухович. В программе клуба его цели описываются следующим образом:

«В гуманитарном плане Крымский клуб является проводником в славяно-тюркском и, шире, христиано-исламском геополитическом «нервном узле» идей *геопоэтики* – доктрины, выдвинутой парижским культурологом Кеннетом Уайтом. Её «крымская» версия – практическая геопоэтика – утверждает переход человечества от эпохи амбиций власти к эпохе творческих амбиций: гр. *poietikos* – «творческий». Так, дискурсу «воссоединения Украины с Россией» Клуб противопоставляет геопоэтический диалог [...]».³⁹

На первом заседании Клуба, озаглавленном «От геополитики к геопоэтике»⁴⁰ (Москва, 1996) Сид в своём докладе уточняет, что геопоэтический проект – это «культурное самоопределение территорий» (*Geopoiesis*), и противопоставляет его этнически-национальным и,

³⁸ White, Kenneth, «Éléments de géopoétique», in: ders: *L'Esprit nomade*, Paris 1987, 272–293 (dt.: *Elemente der Geopoetik*, aus d. Frz. v. Sabine Secretan-Haupt, Hamburg 1988.)

³⁹ См. Sid, Igor', «Krymskij klub», <http://www.liter.net/club/index.html> (15.12.2008): «В гуманитарном плане Крымский клуб является проводником в славяно-тюркском и, шире, христиано-исламском геополитическом "нервном узле" идей геопоэтики – доктрины, выдвинутой парижским культурологом Кеннетом Уайтом. Её "крымская" версия – практическая геопоэтика – утверждает переход человечества от эпохи амбиций власти к эпохе творческих амбиций: гр. *poietikos* – "творческий". Так, дискурсу "воссоединения Украины с Россией" Клуб противопоставляет геопоэтический диалог».

⁴⁰ Первое заседание Крымского клуба состоялось осенью 1995. Здесь, очевидно, имеется в виду первая конференция по геопоэтике, проведённая Крымским клубом 24.04.1996. «От геополитики – к геопоэтике» – лозунг из заглавия доклада Сиды на симпозиуме «Крымская (Ялтинская) конференция 1945 года: Уроки и перспективы» (5-11.02.1995); см. также стр. 51. — *Прим. ред.*

следовательно, государственно-политическим интересам.⁴¹ Геопоэтика – в определении Крымского клуба – должна заменять политику искусством, а геополитические установки – художественными произведениями в рамках «крымской» поэтики. Геопоэтические амбиции Крымского клуба нацелены, с одной стороны, на радикально художественное и, кроме того, саморефлексирующее переустройство политико-географических концептов и на изменение в произведении искусства географической карты, как, например, у группы деятелей искусств IRWIN в их проекте Восточная карта искусства, начатом в 2006.⁴² Парономастическое сопоставление геопоэтики и геополитики в программных текстах Крымского клуба позволяет уже даже из-за фонетического эффекта близости заметить, что литература и искусство, взаимодействующие с географическим пространством, быстро входят в соприкосновение с пространством политического.

В данной книге речь идёт о том, что проясняет разнообразные связи между географией и поэтикой через посредство отдельных литературных концепций как из исторической, так и из современной перспективы, что делает, таким образом, понятие «геопоэтика» приемлемым для научного исследования. Это понятие нужно было бы сперва уточнить по отношению к смежным понятиям и концепциям, таким, как геокультурология, -политика, -эстетика, а также и топография, топология, пространство, место. Геопоэтика подходит для нашего рассмотрения как понятие для анализа и описания не только различных корреляций и интерференций между литературой и географией, ибо геопоэтика напоминает нам о географии, но и поскольку понятие «геопоэтика» ставит вопрос о роли географических «установок», «восприятия» или «материальности» – независимо от того, сконструированы ли они в культуре или даны от природы, – а также провоцирует литературную практику и создание текстов.

В слове «геопоэтика» мы хотели бы сфокусироваться сперва на поэтике, на создании территорий и ландшафтов в литературе. Такая геопоэтика отражает и комментирует одновременно и географическое конструирование вне литературы – проименовывание и распределение географических пространств в ландшафтах, регионах, климатических

⁴¹ Sid, Igor', «Osnovnyj vopros geopoëtiki»,
<http://www.liter.net/geopoetics/penin.html> (15.12.2008)

⁴² См. East Art Map. Contemporary Art and Eastern Europe, ed. by IRWIN, London 2006.

зонах, государствах или континентах. В этом контексте может обсуждаться, какими именно стилями письма, методами, нарративами, символами и мотивами создаётся и семантически привязывается к определённым местам, ландшафтам и территориям специфическая поэтика пространства. Литературные топографии могут относиться к эмпирической географии, а также воспроизводить фиктивные географии, могут выступать в качестве картографических или уклоняться от направлений, могут использовать пространство как метонимический, метафорический или аллегорический троп. Лишь кратко упомянем здесь основную работу по топографическим письменным методам Джозефа Хиллис Миллера, «Топографии», в которой исследуются разнообразные – в том числе и очень тонкие – топографические коды в литературных и философских текстах. Миллер рассматривает текстовые топографии, опираясь на теорию речевых актов как перформативных (деятельных) актов: «Топография места не является чем-то, что уже имелось бы и ждало того, чтобы быть описанным в констатирующем речевом акте. Она создаётся в деятельном речевом акте, вместе со словами и другими символами, например, с песней или стихотворением».⁴³ Топография не только описывает признаки ландшафта, но и, прежде всего, их производит. Это понятие понимается Миллером также совершенно буквально как «План определённой местности или места»⁴⁴ с помощью языковых методов, которые автор обозначает как «топотропография».⁴⁵ Топографически направленное в этом смысле литературоведение отражает не только построение пространств в литературе, но и предоставляет, исходя из всего вышеказанного, методы, которые делают создание и проименовывание пространств в других дисциплинах поддающимся анализу. Культура, пишет настаивающий на топографическом осмыслении культуролог Хартмут Бёме, основывается на развитии топографий, не подразумевающих под «графией» письмо. Таким образом, «графическое изображение пространства»⁴⁶ связано с операциями процарапывания, прочерчивания путей, маршрутов или

⁴³ Miller, Hillis, J., «Die Ethik der Topographie», aus d. Amerik. v. Robert Stockhammer, in: Topographien der Moderne. Medien zur Repräsentation und Konstruktion von Räumen, hg. v. Robert Stockhammer, München 2005, 161–196, 183.

⁴⁴ Там же, 173.

⁴⁵ Miller, Hillis J., Topographies, Stanford 1995, 3f.

⁴⁶ Böhme, Hartmut (Hg.), Topographien der Literatur. Deutsche Literatur im transnationalen Kontext, DFG-Symposium 2004 (Germanistische Symposien, Berichtsband 27), Stuttgart 2005, XVIII.

местностей. Геопэтика включает топографические понятия, тем не менее, она сосредоточивается на географических пространствах и придаёт «графическому изображению» дальнейшие методы и техники создания пространств.⁴⁷

Другой нюанс значения «геопэтики», который можно найти в употреблении этого понятия Уайтом и Сидом, переносит ударение с *poiesis*'a на *geo*. У обоих авторов снова и снова ставится вопрос о связи между творческими силами художника и географическим местом. Кеннет Уайт подчеркивает в своём эссе также ауру места, которое может отразиться на творческом процессе. Крымский клуб подходит к этому не столько по Уайту, сколько по Андрею Битову и Антону Чехову, исходящим в своих литературных текстах из того, что художественный процесс не может быть осмыслен вне зависимости от места его возникновения. Чехов, к примеру, придавал образу степи ответственность за специфическую форму безразличия (равнодушие), за безделье, которое возникает в дороге и изображается в письме. Уайт, Сид, Битов и Чехов затрагивают при этом щекотливую и широко обсуждаемую проблему. Они задаются вопросом, отчасти наивно, отчасти иронично, насколько географические сущности могут влиять на культурное и художественное развитие. Если понимать геопэтику таким образом, то «гео-» прочитывается как определяющая приставка по отношению к «пэтике». Это значит, что литературные стили, техники, воображение должны всегда что-то делать с пространством, в котором они возникают. Такой вариант геопэтики мог бы быть дополнением к другой гео-логике: геокультурологии и геофилософии, не ограничивающимися описаниями образов окружающей среды.⁴⁸

Сузи К. Франк уже принимала участие в исследованиях русского концепта геокультурологии.⁴⁹ В этой книге она предпринимает попытку

⁴⁷ См. также: Sasse, Sylvia, «Literaturwissenschaft», in: *Raumwissenschaften*, hg. v. Stephan Günzel, Frankfurt a.M. 2009, 225–241.

⁴⁸ См. также: Günzel, Stephan, *Geophilosophie. Nietzsches philosophische Geographie*, Berlin 2001. Günzel hat dargestellt, wie environmentalistische Modelle meist zu einer Geopsychologie, einer deterministisch, oft klimatographisch argumentierenden Völkerkunde führen.

⁴⁹ См. Frank, Susi K., «Überlegungen zum Ansatz einer historischen Geokulturologie», in: *Zeit-Räume. Neue Tendenzen in der historischen Kulturwissenschaft aus der Perspektive der Slavistik, Wiener Slawistischer Almanach*, Sonderband 49, hg. v. ders. u. Igor Smirnov, München 2003, 55–74.

установить связь между геопоэтикой и геокультурологией, исходя из напряжённого взаимоотношения между неизбежным символическим конструированием в географии и такой же неизбежной обусловленностью места в культуре. Её предложение таково: «понимать геопоэтику прежде всего инструментально, именно согласно значению слова *poietiké*» как «инструкции по изображению». Геокультурология, напротив – это понятие, которое в 1990-е годы было предложено в русской науке о культуре – как геополитическая стратегия дискурса, которую семантически определяют географические данности. Геокультурология, пишет Франк, резюмируя, явилась бы дискурсивной стратегией символического присвоения. Геокультурологические дискурсы эссенциализируют, психологизируют, утилитаризируют. Однако не следует разводить понятия «геопоэтика» и «геокультурология» слишком далеко, и Франк доказывает это прежде всего на актуальных литературных примерах. В геопоэтических текстах Юрия Андруховича Франк видит геокультурологические или геополитические цели.

Пересечение конструктивистских и эссенциалистских моделей и методов ведёт, как можно резюмировать, к продуктивному обсуждению, которое не исключает того, что географические данности могут обуславливать целиком эстетические опыты или письменные техники; однако, эссенциалистские и природные явления всегда вовлечены в культурно-исторические процессы, в рамках которых они приобретают смысл и утверждаются в нём. Поскольку, даже если географические пространства воспроизводятся культурально – в самых разных жанрах репрезентации, – если даже географические пространства также и изменяются в результате культурных процессов, то, тем не менее, нельзя отрицать, что специфика этого воспроизведения и этой трансформации может быть обусловлена самой географической территорией. Другими словами, культуры и культурные пространства формируются, если следовать Сузи Франк, всегда в определённых, возможно, манипулируемых, но не столь уж и принципиально изменяемых природных условиях (климат, растительность и т.д.) с помощью и под влиянием культурных техник и культурных практик, из которых также могут вытекать техники письма, процессы трансляции и запоминания.

Литературное представление пространств ведёт от симулирования географий к референтным отношениям в эмпирической географии. Известными местами, которые существуют исключительно в вымышленном пространстве, являются Туле или Атлантида. Атлантида –

островное государство, которое впервые упомянул Платон – всё отчётливее в течении столетий проявляет своё интертекстуальное литературное существование, например, в «Новой Атлантиде» Фрэнсиса Бэкона, в фальшивой карте Атлантиды, нарисованной Атаназисом Кирхнером в 1665 году – *Mundus Subterraneus*, или в «20.000 лье под водой» Жюль Верна. К категории фиктивных земель или островов принадлежат также «Утопия» Томаса Мора, «Путешествия Гулливера в стране лилипутов», «Республика Южного Креста» Валерия Брюсова и бесчисленные другие примеры из научно-фантастической литературы, научной фантастики или антиутопии.

В большинстве случаев мы при этом имеем дело с социальными, культурными контрпроектами, разрабатывающими ограниченные территорией альтернативные, зачастую фантастические, модели и связи географии (периферия, изоляция, недостижимость) и общества. Эти фиктивные географические места могут переноситься вместе с их семантическим наполнением на реально существующие пространства, например, в литературном топосе Галиции как Атлантиды.⁵⁰

Если географически-исторические пространства особенно интенсивно существуют в литературе, как Галиция, Буковина, Босния или Центральная Европа, это не значит, что речь при этом идёт о голых фикциях; скорее эффективные воображаемые продолжения этих пространств в литературе позволяют сохраняться неустойчивому статусу между эмпирикой и фикцией. Наблюдение за пространством восточной Центральной Европы, кажется, позволяет в этом снова и снова убеждаться, а именно: чем больше затруднений представляет из себя историко-политическое существование пространств, тем интенсивнее эти пространства существуют как литературный текст.⁵¹ Дальнейшая жизнь этих пространств в литературе гарантируется в интертекстовом обращении определёнными, всегда хронологически локализованными нарративами, мотивами и топосами. Интересно, что для литературного воображения соотносённость таких пространств с конкретными географическими (а также геологическими или гидрографическими)

⁵⁰ Vgl. u.a. Chciuk, Andrzej, *Atlantyda. Opowieść o Wielkim Księstwie Bałaku*, London 1969.

⁵¹ См. также: Marszałek, Magdalena u. Matthias Schwartz, «Imaginierte Ukraine. Zur kulturellen Topographie in der polnischen und russischen Literatur», *Osteuropa* 54.11 (2004), 75–86.

признаками ландшафта, например, как гора, долина, ущелье, река или водораздел, имеет большое поэтическое и мифопоэтическое значение.

Магдалена Маршалек исследует в своей главе актуальные варианты восточно-центральноевропейской геопоэтики (Анджей Стасюк, Юрий Андрухович), реагирующие на «тектонический сдвиг» в Европе после 1989 года, и в этом своём движении по-новому складывающие данную европейскую семантику Центра/Востока.

При этом новые эссеистические литературные проекты восточной Центральной Европы возвращаются к таким мифологическим, полуисторическим, полупридуманым топографиям как Сармация, Галиция, Кресы и Центральная Европа, и развивают их дальше. Геопоэтика, внятно артикулируемая в этой литературе в качестве понятия, фигурирует в первую очередь в качестве стратегии самоопределения и самолокализации, которая отвечает на процесс системной трансформации, в том числе и трансформации политической географии восточной Центральной Европы.

Маршалек противопоставляет карнавал Андруховича, содержащий идею эстетической антиполитики, близкой к геопоэтике, меланхолическому проекту Центральной Европы Стасюка и показывает, как обе стратегии геопоэтического письма расходятся ровно в той точке, где геопоэтика изменяет своему потенциалу как геополитической картографии.

В боснийских текстах, которые исследует в своей главе Миранда Якиша, речь также идёт о перформативном качестве геопоэтических методов: в боснийской литературе несуществование Боснии как государства или фиксируемой территории снимается литературной топографией и топикой. Тезис Якиши заключается в том, что боснийские тексты представляют Боснию, описанную «вопреки нереальному статусу», и при этом «способы её регистрации и узнавания» изобретаются одновременно. Якиша показывает это в текстах об Иво Андриче, Меше Селимовиче и Джеваде Карахасане. Босния возникает там как географическое и культурное пространство, прежде всего, с помощью интертекстуальных методов, создающих собственную территорию и боснийскую идентичность. Часто эти литературные пространственные проекты достигают такой автономии и стабильности, что тонкий интертекстуальный намек, возникающий в тексте, вызывает все семантические комплексы, связанные с пространством.

Геопоэтическая литература функционирует в качестве краткого справочника по топографии. И, наоборот, сами ландшафты могут

считаться носителями сведений и воспоминаний. Связь между географическим пространством и памятью – между территориями и событиями, важными с точки зрения политической идентичности – отражается в представлении о «говорящих» ландшафтах (реки, горы, леса и т.д.), которые со времён романтизма служат культурной памятью национальной литературы, но также и литературы «меньшинств».

В случае, характерном для Восточной Центральной Европы, на территории, связанной с воспоминаниями о конфликтах, ландшафты становятся часто не только носителями воспоминаний, но и «полями их сражений».⁵² Как изучение топографий ландшафтов или городов ориентируется нередко на противоположное – исторические нарративы, так и воспоминание нуждается в топографических ориентирах, чтобы производить и поддерживать такой нарратив.

Здесь следует ещё раз упомянуть неотъемлемость топографического материала и семиозис его эффективности по Джозефу Хиллису Миллеру. Геопоэтика, принимая во внимание аспекты поэтической памяти географических пространств, означала бы освещение топографии как кодирования памяти, а также как плоскости проектирования событий, связанных с политической идентичностью.

В главе Ренаты Макарской и Аннетт Вербергер этнографическое повествование исследуется как признак центральноевропейской литературы в начале XX века и обсуждается на материале литературных трудов 4 авторов из западной Украины, писавших на четырёх различных языках: Михайло Коцюбинского, Семёна Ан-ского, Сомы Моргенштерн и Станислава Винсенца.

Постулированный Макарской и Вербергер топографический анализ повествования должен содействовать собиранию нарративов, которые до сих пор функционируют в разделённых, частных национальных и, следовательно, этнических контекстах, делая возможной новую литературную картографию транснациональной Центральной Европы (конкретно здесь – западной Украины). Исходный пункт проекта, сопоставляющего наслоения нарративов, которые описывают центральноевропейские поэтики топосов – наблюдение очень типичного для этого европейского пространства радикального расхождения между топографическими повествованиями, которые относятся к одному и тому же месту (деревне, местечку, ландшафту и т.д.), но возникают в различных культурных контекстах (коллективной памяти).

⁵² Kapralski, Sławomir, «Battlefields of Memory. Landscape and Identity in Polish-Jewish Relations», *History & Memory* 13.2 (2001), 35–58.

Этнографический смысл повествования оба автора видят как литературную специфику, которая соотносится с транснациональным топографическим порядком.

Сандро Цанетти посвящает свою главу трём географическим и поэтическим осям лирики Поля Целана: меридиану Север-Юг, оси Восток-Запад и вертикальному измерению, уходящему внутрь земли и в высь небес. Эта трёхмерная система координат и обусловленные ею топонимы – часть поэтики адресации, которая включает места, пространства, территории и даже людей. Тогда, когда Целан называет места и людей, он показывает, что произойдёт, если места станут словами, топология сведётся к тропологии или земля станет речью. Проименовывание мест подразумевают не только жест воспоминания, записанные против политики уничтожения в восточной Центральной Европе в XX веке, но одновременно и указывают на то, что языковая память всегда обманчива. Языковая память подменяет адресуемое и называемое им, даже если это – место.

Тому, как культурная конструкция географических пространств происходит в колониально-имперских отношениях, посвящено три главы, сфокусированные на различных центральноевропейских и восточноевропейских геополитически-геополитических конstellациях из исторической перспективы. Кирстин Копп раскрывает в своей главе роман Густава Фрайтага «Быть должным и иметь», как комплексный атлас империи, который проектирует новую логику объединённого немецкого пространства на фоне расширяющегося западноевропейского колониализма и отсутствующего немецкого национального государства, которое, в противоположность к территориально индифферентному дворянству, создаётся пространственно- и национально-мыслящей буржуазией, и которое основывается на внутриевропейской колонизации. Копп объясняет спроектированную Фрайтагом геопэтику как ясновидческое предсказание немецких геополитических моделей в XX веке.

Харша Рам и Заза Шатаришвили в своей главе указывают, как в грузинской поэзии романтизма геополитическая трихотомия между Россией, Грузией и Северным Кавказом осмысливается геополитически – как в интертекстуальном, так и в колониальном контексте. В трёх стихотворениях Александра Чавчавадзе и Николоза Бараташвили они идентифицируют три различных геополитических стратегии: стратегия частичного отождествления с Россией и противостояния Северному Кавказу, стратегия отрицания русской истории, которая показывает Грузию в её борьбе

с Северным Кавказом как суверенную нацию, и стратегия утопической детерриториализации, при которой все три политических территории и их локализации лишаются также и культурного описания.

Маттиас Шварц в своей главе концентрируется на особенном временном промежутке советской истории культуры, в котором не только произошло формирование эстетики соцреализма, но и возникли проекты утопической новой географии, т.е. радикального преобразования естественной географии страны согласно диктату Сталина. Но в центре исследования Шварца находится не этот широко обсуждаемый утопический проект советской географии, а симптоматичная иная трактовка колониального (западного) дискурса на периферии культурно-политических событий советского пространства: в успешной экранизации Владимиром Вайнштоком (1936) приключенческого романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта» даётся программная историческая интерпретация географии колониализма из советской «постколониальной» перспективы и объявляется о её крахе. В то же время, вклад Вайнштока в утверждение «досоветской» географии представляет собой противоречивое присвоение приключенческого жанра, который был теснейшим образом связан с западной колониальной геополитикой.

Следующий вариант геоэстетики подразумевает творческий элемент и эстетический момент на Земле и в природе. При этом речь идёт не о создании или уничтожении местностей или ландшафтов в ходе тектонических процессов, а о понимании существующего с доисторических времён феномена – Земли, природы – либо как создательницы символов, фигур и образов, либо как «естественной оптической системы», которая устанавливает ракурс и, следовательно, перспективу, создаёт горизонт для вещей и событий, которые на ней происходят. География делает эстетический опыт возможным в обоих случаях. По отношению к эстетическому «творчеству» природы могут вестись искусствоведческие диспуты вокруг содержательности «естественных» или случайных образов.⁵³ Как природный символ, естественные или случайные образы считаются чем-то таким, что имеет отношение к природе, они не отображают замещая, это те образы или символы, которые сами открываются в природе: природные формы, такие как облака или формации горных пород, зачастую образуют фигуры (прежде всего, антропо- или зооморфные), напоминающие художественные

⁵³ *Die Unvermeidlichkeit der Bilder*, hg. v. Gerhart von Graevenitz, Stefan Rieger u. Felix Türlemann, Tübingen 2001.

объекты, и бывают прочитаны и проинтерпретированы как таковые в ходе культурной истории. Однако, служа инструментом зрения, география способствует эстетическому опыту. В своей «Истории горизонта» Альбрехт Кошорке, к примеру, замечает, что как раз горизонт – в отличие от других мотивов поэтики ландшафта – стал релевантным для литературы не столько как место действия, но как упорядочивающая восприятие линия, «линия, конституирующая отношение к эмпирическому порядку».⁵⁴ Если учитывать этот, заявленный географией эстетический опыт мира, то становится очевидным, насколько геопоэтика связана с геоэстетикой.

В двух главах этой книги речь идёт о явной связи между поэтикой и эстетикой, а также задаётся вопрос о связи между поэтикой эпохи, восприятием и воссозданием географических пространств. Тобен Филипп в своей главе показывает, как в литературных текстах (Гоголь, Толстой, Фет) и в пейзажной живописи XIX столетия категория нечёткости противостоит миметическому визуальному представлению географических пространств. Нечёткость, как в «Метели» Толстого, ведёт к новому видению, в то время как она провоцирует близорукость, которая позволяет только тактильное восприятие и ориентацию в пространстве. Географическое пространство в режиме нечёткости становится пространством воображаемым или галлюцинаторным, и таким образом становится литературным топосом. Кроме того, Филипп задаётся вопросом, в какой мере суровость русского географического пространства является частью не только антимиметического, но и (анти)имперского жеста, с помощью которого литература и живопись комментируют политические амбиции России в середине XIX века.

В главе Сильвии Зассе также идёт речь об изменении перспективы, которое имело значение для документации, описания и создания советского географического пространства. Она указывает на то, что в постреволюционной литературе XX столетия, в частности, в путевых записках Сергея Третьякова «география сверху», спроецированная авангардной авиационной перспективой (с высоты полёта птицы и самолёта), освобождается «географией снизу». Советское пространство, по идее Третьякова, должно восприниматься в непосредственной близости и быть узнаваемым. Обзор, горизонтальная проекция, авиационная перспектива не принимаются в расчёт новым обществом. Зассе показывает,

⁵⁴ Koschorke, Albrecht, *Die Geschichte des Horizonts. Grenze und Grenzüberschreitung in literarischen Landschaftsbildern*, Frankfurt a. M. 1990, 7.

что отделение вертикальной от горизонтальной перспективы по Третьякову произошло к моменту, когда в советской геополитике можно было наблюдать противоположный процесс: советское пространство с начала 30-х годов всё отчётливее фрагментируется и подвергается сегрегации, и вместе с тем устанавливается вертикальное структурирование.

Книгу завершает эссе Михаила Рыклина, который занимается новыми пограничными отношениями Европейского союза после вступления в него нескольких центрально-восточноевропейских стран в 2004 и 2007 гг. Рыклин рассматривает старую проблему: семантика европейского и соответственно Европы с точки зрения России. Принадлежит ли Россия вообще к Европе и если да, то при каких условиях, в том числе эстетических, Россия рассматривается в качестве европейской страны. Он исследует это на материале различных текстов, например «России в 1839 году» маркиза де Кюстина, изданной в 1843 в Париже, а также «Зимних записок о летних впечатлениях» Фёдора Достоевского (1863).